

ки безъ гнѣва и смѣшѣніа, ничтоже въ сиѣдѣ имѣй, тѣчію вѣлїе трапнѣе, єже землѧ скотомъ прозабати ѿбѣиче, и вѣдѣ таکожде, юже нешскѣдниш источницы источають: скотенъ вѣхъ оу тебѣ вопїа, и азъ вѣнѣ съ тобою. Кто оубо сказати возможетъ тогѡ таже тогда твораше трады; ни вѣ тое самое вѣлїе пустынное до скитости прѣимаше, но маю сѣлаш и скѣдниш, и се по заходѣнїи солнца. И вѣдѣ же таکожде, еликаш виѣтрениа прохладити. Слѣзный же паки тогѡ источникъ, кто по достоанїю извѣститъ; всенѣшина же таکожде ствѣнія и колѣнопреклоненія; множицю во прещеразвѣющеса вѣси, приходашихъ во образъ разлѣчныхъ евреевъ, оустрашити и шгнаги хотаще. Но доблѣй непоколебимъ прѣвываше тѣхъ козими, таже нѣкій камень твѣрдъ, всѧ приражающыя сѧ ємъ волны разбиваля и шражда, илі истиннѣе реци, таже адамантъ не тажъ вываше никаковимъ желеzомъ. Времени же не маю прещедшъ, преходитъ ѿ традѣ во ино мѣсто, идѣже пещерѣ ѿбрѣтъ тѣмнѣ сѣлаш и мрачнѣ, тѣ вселаетса, прилагада трады къ традомъ, и къ желанїю желанїе, и слагада таже традомлюбивая пчелы медовыя сotы, и полагада въ сокровищахъ сердечныхъ. Въ сихъ оубо томъ тѣ сѣпи, скінъ брата егѡ, отца и матеря оутайвса, прїиде въ пустыню, идѣже преподобный прѣвываше, и многш траджда єдвѣ возможе тогдѣ ѿбрѣсти. Блаженныи же издалече тогдѣ градѣща оузвѣвъ, мнаше мечтанїе се быти, и на молитвѣ себѣ вдадѣ. Пришедж оубо онъ, и на лице падж, прошаще благословенїе прѣяти. Онъ же истинно се быти вѣровавъ а не мечтанїе, благословенїа

тогдѣ

